

Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Хронология погребений с монетами ярославских могильников. Вновь о датирующих возможностях нумизматического материала

К. В. Горлов¹, В. Н. Седых²

Аннотация. На основании материалов захоронений с монетами Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников региона Ярославского Поволжья сделана попытка сравнения датировки погребений, полученной на базе вещевого материала, с датами чеканки монет, происходящих из их состава. Это позволило подчеркнуть необходимость осторожности использования нумизматического материала для датировки захоронений и невозможность применения в настоящее время какой-либо универсальной формулы для вычисления коэффициента запаздывания монет.

Annotation. On the basis of finds from graves with coins at the Timerevo, Mikhaylovskoye and Petrovskoye cemeteries, this paper is an attempt to compare the dates obtained on the basis of grave goods and the dates of minting of the coins defined through their composition. The results stress the necessity of caution when using numismatic materials for dating burials and demonstrate the present impossibility of applying any universal formula in order to calculate the lag coefficient for coins.

Ключевые слова: погребения, монеты, коэффициент запаздывания, датировка, дирхамы, денарии, Ярославское Поволжье.

Keywords: burials, coins, lag coefficient, dating, dirhams, denarii, Yaroslavl Volga region.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-309-316

Использование нумизматического материала для датировки археологических комплексов эпохи викингов широко применяется исследователями уже более столетия. При этом определение временного отрезка от момента чеканки монет до их выпадения из обращения (коэффициент запаздывания) осуществлялось по-разному, на основании порой противоречащих

друг другу подходов³. В настоящее время количество методов для вычисления коэффициента запаздывания продолжает увеличиваться.

В. В. Енуков видит решение данного вопроса для монет из погребений в применении «неревской поправки» (10–20 лет), с учетом которой дата чеканки младшей монеты должна указывать на время совершения захоронений (Енуков, 2008. С. 72). В. С. Кулешов предлагает синхронизировать монеты из погребений с периодами обращения арабского серебра в Восточной Европе, при этом монетные находки из захоронений одного могильника рассматриваются в качестве комплекса длительного формирования (Кулешов, 2012. С. 162–184; 2017. С. 2).

Многообразие таких подходов обусловлено отсутствием специальной методики, проверенной на фактическом материале. В. С. Кулешов

¹ Горлов К. В. подготовил статью в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160–2019–0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² Горлов К. В. — Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Седых В. Н. — кафедра археологии, Институт истории, СПбГУ; Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

³ В данном случае речь идет о куфических монетах.

полагает, что предложенный им подход универсален и является единственно верным, однако его проверка на материалах погребений Киева, а также Тимерёвского и Михайловского могильников показала ошибочность этого мнения (Зозуля, 2017. С. 78–79).

Несколько лет назад авторы данной статьи сделали попытку сравнения датировки погребений, полученной на основании вещевого материала, с датами чеканки монет, происходящих из их состава, на примере захоронений Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников региона Ярославского Поволжья (Горлов, Седых, 2016. С. 375–388).

В результате проведенного исследования был сделан вывод, что на основании имеющегося материала какие-либо закономерности запаздывания монет установить не удастся. В ряде случаев даты чеканки дирхамов отставали от времени совершения захоронений на значительные отрезки времени — 150 лет и более. В других случаях при широкой вещевой хронологии комплексов дирхамы указывали на нижнюю дату совершения погребений, значительно уточняя их датировку.

Это позволило нам еще раз подчеркнуть необходимость осторожности использования нумизматического материала для датировки захоронений и невозможность применения в настоящее время какой-либо универсальной формулы для вычисления коэффициента запаздывания монет. Данное исследование получило отклик в виде статей В. С. Кулешова и С. С. Зозули, что лишний раз показало актуальность затронутой темы.

При работе с публикацией С. С. Зозули сложилось впечатление, что автором была неверно понята задача нашего исследования, которая, как уже сказано выше, заключалась не в уточнении датировки курганов Ярославского Поволжья, а в попытке проверки правильности того или иного подхода нумизматической датировки и возможности установления контуров коэффициента запаздывания монет. Безусловно, «вырывание» монет из состава комплексов не способствует уточнению их датировки, однако позволяет проследить, насколько может совпадать вещевая хронология погребений с датами монет, входящих в эти комплексы.

В. С. Кулешов на основании собственной методики предложил «уточнение» хронологии погребений с монетами Тимерёвского и Михайловского могильников, в результате чего оказались пересмотрены некоторые эпизоды истории развития древнерусского погребального обряда.

В. С. Кулешов выделяет группу из пяти наиболее ранних погребений (Т-95, Т-348, Т-297, Т-54, М-18), датируя их «концом IX — первыми десятилетиями (или даже самым началом) X века», используя в качестве «ключевых ранних индикаторов» только монеты. Для вещей указываются широкие даты (Кулешов, 2017. С. 6).

Курган Т-95 был надежно датирован В. Н. Седых и Я. В. Френкелем на основании бусинной хронологии второй четвертью X в. (Седых, Френкель, 2014. С. 165–198).

В. С. Кулешов удревяет датировку кургана на основании присутствия дирхама Умайадов середины VIII в., анонимной драхмы аббасидских наместников Табаристана 780–788 гг. и дирхама ал-Мансура 769 г., указывая, что монеты «вообще отражают типологию обращения ступени А (750–780-е гг.) без поздних примесей, но во вторичной функции подвесок в ожерелье демонстрируют длительное (маркированное) запаздывание, документированное бусами» (Кулешов, 2017. С. 6).

Остается неясным, почему исследователь решил, что все три монеты имеют признаки внеэкономического использования. Шпенек от ушка зафиксирован только на одной монете 769 г.

Непонятно, почему автор в качестве подтверждения «длительного (маркированного) запаздывания», с одной стороны, опирается на даты бус В. Н. Седых и Я. В. Френкеля, но, с другой, не принимает их хронологию погребения, предлагая свою более раннюю неаргументированную дату.

Объяснение «маркированного» запаздывания монет их вторичным использованием, по крайней мере в двух случаях, не находит подтверждения. Зафиксированные в составе погребения монеты отстают от времени совершения захоронения (вторая четверть X в.) на 150 лет и более.

В группу «ранних» захоронений попал курган Т-54, датированный нами в рамках X в. на основании вещевого инвентаря, а не погребального обряда, как пишет С. С. Зозуля. Исследователь полагает, что данное погребение не могло быть совершенно ранее второй четверти X в. (Зозуля, 2017. С. 77, 79). При аргументации С. С. Зозуля в качестве хронологического репера использует стрелы типа 77, вариант 1, бытовавшие, по мнению А. Ф. Медведева, в X — самом начале XI в. (Медведев, 1966. С. 79). С. Ю. Каинов показал, что в Гнёздово такие стрелы появляются не ранее второй четверти X в. (Каинов, 1999. С. 54). Если такая датировка актуальна и для Тимерёво, то корректировка времени

совершения захоронения будет оправданной, однако для этого требуется отдельный анализ стрел на материалах Ярославского Поволжья.

В качестве второго хронологического индикатора С. С. Зозуля указывает гребень типа II, по классификации О. И. Давидан, датируя его не ранее 930 г. Однако относительно подстрочного замечания о «соотнесении горизонта Д Старой Ладоги ко времени не ранее 930 г.» и датировки связанных с ним находок стоит отметить, что ссылка относится к статье Я. В. Френкеля, в которой уделено особое внимание существующей неточности в обозначении нижней хронологической границы горизонта Д. Отсчитывая границу горизонтов E1 и Д в целом от рубежа IX–X вв., первый ярус застройки горизонта Д, в рамках изученного участка, Е. А. Рябинин, на основании дендрохронологического анализа, отнес к 930-м гг. После публикации этой даты все находки горизонта Д автоматически стали омолаживаться, независимо от их планиграфического и стратиграфического расположения, относительно первого яруса застройки горизонта Д, исследованного Е. А. Рябининым. Именно в этом направлении представлены рассуждения автора о гребнях второй группы, по О. И. Давидан. При этом на той же странице Я. В. Френкель показывает некорректность и опасность такого формального переноса даты, отдельно упоминая необходимость проверки абсолютных дат некоторых ладожских находок⁴. Таким образом, для сужения даты погребения требуется дополнительная аргументация.

Происходящий из состава данного кургана дирхам ар-Рашида 805–809 гг. с признаками вторичного использования запаздывает от даты захоронения не менее чем на сто лет. Аналогичные монеты без признаков внеэкономического использования были найдены, например, в гнёздовском кургане Лб-1 1987 г., который датируется не ранее середины — второй половины X в., а также в кургане Л-13.

Курган М-18 также был датирован нами в рамках X столетия на основании присутствия в его составе меча типа Е и пары фибул ЯП 51К (Кашин, 2001. С. 54–63; Андросчук, 2013. С. 51).

С. С. Зозуля полагает, что погребение не могло быть совершено ранее второй четверти X в. благодаря присутствию здесь фибул ЯП 51К (Зозуля, 2017. С. 79). Принятие хронологии фибул

Я. Петерсена, разработанной в 20-х гг. XX столетия, в качестве базовой для датировки комплекса в свете более поздних исследований И. Янссона требует серьезных обоснований. Найденный в составе погребения дирхам Харун ар-Рашида 805–809 гг. с отверстием отстает от времени совершения погребения не менее чем на столетие.

К «ранним» захоронениям В. С. Кулешовым были отнесены и два камерных погребения. Датировка кургана Т-348 детально рассмотрена С. С. Зозулей в отдельной статье, которая осталась без внимания В. С. Кулешова (Зозуля, 2012. С. 90–98). Важным хронологическим индикатором, не позволяющим датировать погребение ранее середины X в., выступает гребень с накладками из медного сплава (Дементьева, 2014. С. 146; Горлов, 2015. С. 139–149).

Наличие в составе ожерелья английского денария 890–910 гг. позволяет сузить датировку комплекса до последней трети X — начала XI в. Мы полагаем что денарий, несмотря на раннюю дату чеканки, попал в пределы древнерусской территории не ранее 70-х гг. X в. вместе с основным потоком западноевропейских монет.

Денарий-подвеска Карла Лысого 864–871 гг. вместе с дирхамом-подвеской халифа Умара 781–719 гг. происходят из погребения Гнёздово Л-124, совершенного не ранее конца X в. (Пушкина, Стукалова, 2011. С. 96). Обнаруженный в составе кургана 348 дирхам-привеска Харуна ар-Рашида чекана 803/804 гг. отстает от времени совершения погребения не менее чем на 160 лет.

Время совершения погребения в кургане Т-297 определяют особенности погребального обряда. В пределах Тимерёвского некрополя было изучено пять камерных захоронений, три из которых (Т-100, Т-348, Т-459) имеют в своем составе надежные хронологические реперы, не позволяющие датировать их ранее последней трети X в. На совершение захоронения не ранее второй половины X в. в кургане Т-284 указывает набор бус (Седых, Френкель, 2012. С. 305). С. С. Зозуля в специальной работе рассмотрел специфику камерных погребений Тимерёвского могильника и пришел к выводу, что они были совершены в последней четверти X — начале XI в., с чем, вероятно, следует согласиться (Зозуля, 2014. С. 233–243).

Таким образом, курган Т-297, несмотря на присутствие в его составе вещей с широкими датами и дирхама ар-Рашида 804/805 гг., датировать рубежом IX–X вв. нет основания.

⁴ Авторы выражают глубокую признательность Н. В. Григорьевой за консультацию в этом вопросе.

Найденный в погребении дирхам-привеска с признаками внеэкономического использования отстает от времени совершения захоронения не менее чем на 170 лет.

Таким образом, погребения, датированные В. С. Кулешовым «концом IX — первыми десятилетиями (или даже самым началом) X в.», относятся к более позднему периоду. Монеты, зафиксированные в составе этих комплексов, запаздывают от их нижней даты на 100–170 лет. При этом во всех случаях (кроме двух монет из кургана 95) дирхамы несли следы вторичного использования.

Из камерного погребения Т-284 происходят два обломка дирхамов, один из которых И. Г. Добровольский отнес к чеканке Насра ибн Ахмада 918/919 г. А. А. Гомзин на основании целого одноштемпельного аналогичного экземпляра передатировал монету 925/926 гг. Второй обломок по причине малой информативности остается неопределенным. Атрибутированный дирхам отстает от времени совершения погребения не менее чем на 50 лет.

При публикации датировки кургана Т-459 произошла досадная опечатка, из-за которой комплекс оказался отнесен к середине XI в. (Горлов, Седых, 2016. С. 382). При этом на стр. 384 авторы указывают, что три крестика, вырезанные из монет (в том числе и крестик из кургана 459), происходят из погребений конца X — начала XI в. (Там же. С. 384).

Дату погребения Т-459 с дирхамом Мансура ибн Нуха 969/970 гг. также определяет найденное здесь навершие булавки прибалтийского типа, аналоги которой встречены в женских погребениях могильника Залахтовые XI — первой половины XII в. В Новгороде такие булавки появляются в первой четверти XI в. и бытуют до 1369 г. (Хвоцинская, 2004. С. 69, 70; Лесман, 1995. С. 16). В данном случае отставание даты чеканки монеты от времени совершения погребения может составлять от 10 до 30 лет.

На основании монетного материала не ранее последней четверти X в. датируется и курган Т-100. Присутствующие в его составе семь дирхамов имеют минимальный период запаздывания.

Особого внимания заслуживает материал кургана Т-237, включающий два одновременно совершенных погребения по обряду кремации и ингумации. Н. Г. Недошивина и М. В. Фехнер отнесли время совершения захоронения к середине X в. (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 110–111).

С такой датировкой согласен и С. С. Зозуля (Зозуля, 2017. С. 77).

Среди вещевого инвентаря, относящегося к ингумации, следует выделить фрагмент браслета, который в отчете и в статье Я. В. Станкевич характеризуется как «крученный» (Станкевич, 1941. С. 86, 87). Позже В. А. Мальм в отдельной работе, посвященной изучению ювелирно-литейной продукции Ярославского Поволжья, описывает браслет как ложновитой, то есть изготовленный в технике литья (Мальм, 1963. С. 38). Ложновитые браслеты относятся к предметам массового тиражирования и в пределах древнерусской территории появляются не ранее XI в.

В состав погребального инвентаря также входил дирхам Насра ибн Ахмада (913–943), обрезанный по краю, на одной из сторон которого процарапан четырехконечный крест с расширяющимися концами. Из монеты пытались вырезать крест, но во время этой операции один из краев обломился, и изделие осталось не завершено (Седых, 2007. С. 237).

Аналогичный крестик, изготовленный из дирхама Джанаха ад-даула, Абу л-Хасана и Хусам ад-даула, ал-Маусила в 997/998 или 998 г., найден в кургане Т-417⁵.

Эти крестики специально изготавливались для включения в состав погребального инвентаря и несут христианскую нагрузку. Связанные с ними захоронения совершены по обряду ингумации, а сами насыпи находятся на краю могильника, в разных его частях, что может выступать маркером для их относительно поздней датировки.

Таким образом, присутствие в кургане Т-237 крестика, вероятнее всего, указывает, что оно было совершено не ранее конца X в. Такую датировку может подтвердить и уточнение типа браслета, если он окажется ложновитым. Таким образом, дата чеканки дирхама отстает от времени совершения захоронения минимум на 60 лет.

Нами была выделена группа малоинвентарных погребений с широкими датами вещей (Т-125, Т-273, Т-278, Т-448, Т-470, М-7, М-27), для которых общим хронологическим маркером может служить обряд кремации. В результате комплексы получили широкую датировку: конец IX — начало XI в.

С. С. Зозуля называет такой подход лишенным объективного смысла, однако сам более

⁵ О кресте из кургана 459 речь шла ранее.

узкие даты данных захоронений не предлагает. В литературе большинство этих погребений также датировалось в рамках столетия или даже шире.

Даты чеканки монет уточняют время совершения только двух захоронений (Т-287, 448). В курганах Т-125, 470, М-7 монеты запаздывают от нижней даты примерно на 100 лет, а в кургане М-27 — примерно на 170 лет.

Какой-либо «загадочности» лишена датировка кургана Т1-1987. Авторы не датируют комплекс XI в., как пишет С. С. Зозуля, а указывают, что на основании «бусинной хронологии» комплекс следует датировать в пределах XI в.: «не раньше начала и не позже третьей четверти включительно» (Горлов, Седых, 2016. С. 383). Безусловно, в контексте верхней даты существования могильника время совершения захоронения следует ограничить серединой XI в., однако необходимо помнить, что погребение находится на пограничной территории могильника и поселения и может относиться к одному из наиболее поздних.

Три погребения (Т-31, Т-417 и Т1-1989) были датированы нами не ранее конца X в. на основании обряда ингумации. С. С. Зозуля, ссылаясь на мнение Н. Г. Недошивиной и М. В. Фехнер, указывает, что захоронения по обряду ингумации появляются в Ярославском Поволжье уже в середине X в. (Зозуля, 2017. С. 77). Следует иметь в виду, что данный вывод относится к середине 80-х гг. XX в. (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 110–111) и в настоящее время нуждается в дополнительной аргументации в свете пересмотра в последние годы хронологии ряда захоронений (Мурашева, 1999. С. 25–34; Зозуля, 2012. С. 90–98; 2014. С. 233–243). На совершение этих погребений не ранее конца X в. указывает время чеканки монет, обнаруженных в их составе.

Таким образом, в девяти погребениях (Т-54, Т-95, Т-125, Т-297, Т-348, Т-470, М-7, М-18, М-27) даты чеканки найденных в их составе монет отстают от времени совершения захоронений на сто и более лет.

Это в основном дирхамы Аббасидов, принадлежащие в первую очередь эмиссиям ар-Рашида, ал-Мансура, ал-Махди, ал-Хади последней трети VIII — начала IX в., и несколько более ранних монет Умайядов.

Во время правления пяти первых аббасидских халифов (750–809 гг.) происходила чрезвычайно интенсивная чеканка монет (Фомин, 1982. С. 18).

Р. Р. Фасмер полагал, что халифы, правившие после ар-Рашида, не успевали изымать из обращения дирхамы своих предшественников и заменять новыми (Фасмер, 1927. С. 28). Позже В. Л. Янин отметил, что в древнерусских кладах начала X в. присутствуют большие группы монет ар-Рашида, чеканенных в одном городе и в один год. Это обстоятельство позволило заключить, что дирхамы ар-Рашида «...не только не изымались последующими халифами, но наоборот, систематически выпускались в обращение из государственных сокровищниц вплоть до начала X в., т. е. на протяжении почти целого столетия» (Янин, 2009. С. 124).

Т. А. Пушкина полагает, что значительная часть аббасидских и умайядских монет, найденных в Гнёздове, поступила сюда в первом десятилетии или даже в начале X в. (Пушкина, 1999. С. 410, 411). Такая же ситуация прослеживается и с некрополем Киева, где в составе погребений X в. присутствуют более ранние монеты. Не ранее первой четверти X в. датируются и киевские клады (Каргер, 1958. С. 123–124).

Вероятнее всего, аббасидские и умайядские монеты из состава погребений Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников попали в пределы Ярославского Поволжья в начале X в. и продолжали использоваться местным населением на протяжении столетия, в частности, и не в качестве средства обмена.

Перспективными с точки зрения уточнения датировки погребений оказываются дирхамы Саманидов, Укайлидов X в., определяющие нижние даты курганов Т-100, 448, 459. В этих случаях фиксируется минимальное запаздывание. Однако в кургане Т-284 атрибутированный фрагмент дирхама, найденный в кошельке, отстаёт от нижней даты совершения захоронения не менее чем на 50 лет.

По нашему мнению, дирхамы X — начала XI в. в настоящее время приемлемо использовать только для датировки погребений без каких-либо допусков запаздывания, что лишний раз подтвердила работа В. С. Кулешова.

Западноевропейские денарии (за исключением кургана Т-348) в контексте верхней даты существования могильника, подтверждая ее, маркируют комплексы первой половины XI в. и определяют их нижнюю дату.

До настоящего времени при использовании нумизматической датировки захоронений остается открытым вопрос о времени появления в пределах древнерусской территории традиции

помещения монет в состав погребального убора или инвентаря. Т. В. Равдина ранние захоронения с монетами датировала рубежом IX–X вв. Основная масса комплексов была отнесена к X–XI вв. (Равдина, 1988. С. 135). В. М. Потин часть погребений с монетами отнес к IX в., не исключая в этом вопросе углубления даты до VIII столетия. Однако самостоятельную датировку погребений исследователь не проводил, а использовал уже готовые выводы (Потин, 1971. С. 49–119).

Неясным также остается происхождение «обола мертвых» в пределах Древней Руси, функции денежных знаков в захоронениях и место самих погребений с монетами в общей картине древнерусской погребальной обрядности. Решение этих вопросов на базе всего комплекса древнерусских погребений с монетами, возможно, позволит уточнить и механизмы запаздывания.

Отдельного комментария заслуживает критика коллег того, что мы в ряде случаев использовали хронологические построения Ю. М. Лесмана (Кулешов, 2017. С. 4; Зозуля, 2017. С. 77). Вполне обоснованными являются ссылки на его мнение при рассмотрении монетовидных подвесок, украшенных орнаментом в виде волют, которым Ю. М. Лесман посвятил исследование, охватывающее весь известный на тот момент древнерусский материал (Лесман, 2014. № 5. С. 55–57).

При определении времени появления булавок прибалтийского типа в Новгороде мы также ссылаемся на мнение Ю. М. Лесмана, которое в этом вопросе совпадает с выводами М. В. Седовой (Седова, 1981. С. 73, 74). Напомним, что разработавшая типологию данных булавок Н. В. Хвоцинская также датировала появление данных украшений не ранее XI столетия, что делает вполне уместным проследить время их появления в Новгороде.

Рассматривая ножи III группы (по типологии Р. С. Минасяна) с ручками, обмотанными проволокой, Ю. М. Лесман использовал

известный материал в рамках древнерусской территории, определяя по новгородской шкале только верхнюю дату бытования таких предметов (Лесман, 2014. С. 46).

При рассмотрении перстней мы указываем на их появление в пределах Древней Руси в X в. и ссылаемся на мнение Ю. М. Лесмана, чтобы показать время их наибольшего распространения.

Обращение к его исследованиям сделано в контексте уточнения хронологии ложновитого браслета. Как уже было сказано выше, подобные вещи массового тиражирования нам неизвестны на памятниках X в. Они относятся к городской культуре XI в., и в данном контексте ссылки на выводы Ю. М. Лесмана более чем уместны. Хотим напомнить, что не ранее XI в. ложновитые браслеты датировали В. П. Левашова и М. В. Седова (Левашова, 1967. С. 224–226; Седова, 1981. С. 98).

Хотелось бы напомнить коллегам, что научные интересы Ю. М. Лесмана выходили далеко за пределы исследования новгородских древностей и затрагивали более широкий спектр вещей и проблем.

Недоверие же В. С. Кулешова к самим хронологическим построениям Ю. М. Лесмана и упоминание курьезного случая с браслетами из киевского клада 1913 г. (Корзухина, 1954. С. 83, № 13. Табл. V) иллюстрирует исключительно незнание В. С. Кулешовым исследований Юрия Михайловича по данной проблематике и лишний раз демонстрирует его некомпетентность в области изучения славяно-русских древностей.

Таким образом, датировка захоронений, основанная исключительно на нумизматическом материале с отрывом от хронологии сопровождающего инвентаря, особенностей погребального обряда и региональной специфики, дает отрицательный результат. Только анализ всех этих составляющих дает наиболее верную методику датировки древнерусских погребений.

Андрощук, 2013 — Андрощук Ф. Мечи викингов. Киев: Простор, 2013. 712 с.

Горлов, 2015 — Горлов К. В. Хронология односторонних наборных гребней с накладками из медного сплава на территории Древней Руси // ЗИИМК. 2015. № 11. С. 139–153.

Горлов, Седых, 2016 — Горлов К. В., Седых В. Н. Датирующие возможности нумизматического материала (на примере погребений с монетами

Ярославского Поволжья) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 61-го заседания (14–16 апреля 2015 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2016. Вып. 31. С. 375–388.

Дементьева, 2014 — Дементьева А. С. Односторонние составные гребни с металлическими накладками из Гнёздова // РА. 2014. № 1. С. 143–147.

- Енуков, 2008 — Енуков В. В. К вопросу о динамике импорта сердоликовых бус на территорию Восточной Европы // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Материалы конф., посв. 75-летию со дня рождения К. Ф. Сокола. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. С. 70–73.
- Зозуля, 2012 — Зозуля С. С. Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимерёвского некрополя // РА. 2012. № 4. С. 90–98.
- Зозуля, 2014 — Зозуля С. С. К вопросу об особенностях камерного обряда погребения в Ярославском Поволжье. Погребения в курганах 100 и 459 Тимерёвского археологического комплекса // XIV Тихомировские краеведческие чтения: Материалы науч. конф. (Ярославль, 22–23 октября 2013 г.). Ярославль: Канцлер, 2014. С. 233–243.
- Зозуля, 2017 — Зозуля С. С. Кривое зеркало нумизматики (несколько замечаний к датировке курганов Ярославского Поволжья с монетами // Нумизматические чтения ГИМ 2017 г.: Материалы докл. и сообщ. (Москва, 23–24 ноября 2017 г.). М.: ГИМ, 2017. С. 76–86.
- Каинов, 1999 — Каинов С. Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Под ред. Е. Н. Носова. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 49–62.
- Каинов, 2001 — Каинов С. Ю. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (к вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124). С. 54–64.
- Каргер, 1958 — Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 580 с.
- Корзухина, 1954 — Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с.
- Кулешов, 2012 — Кулешов В. С. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Первые каменные храмы Древней Руси: Материалы архитектурно-археологического семинара (22–24 ноября 2010 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2012 (Тр. ГЭ; Т. LXV). С. 162–184.
- Кулешов, 2017 — Кулешов В. С. Датировочные возможности нумизматического материала: принципы, приемы и перспективы. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://www.academia.edu/33181376/Датировочные_возможности_нумизматического_материала_принципы_приемы_и_перспективы._Draft_2017_
- Левашова, 1967 — Левашова В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Сов. Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). С. 207–252.
- Лесман, 1995 — Лесман Ю. М. Мотив креста в декоре ювелирных изделий Новгорода XI–XIV вв. // Церковная археология: Материалы 1-й Всерос. конф. (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). СПб.; Псков, 1995 (Сер. Археологические изыскания; Вып. 26-2). Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. С. 13–19.
- Лесман, 2014 — Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. Кишинев, 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. С. 43–87.
- Мальм, 1963 — Мальм В. А. Изделия ювелирно-литейного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников. М.: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 1963. 199 с.
- Медведев, 1966 — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. М.: Наука, 1966. 184 с. (САИ; Вып. Е1-36.)
- Мурашева, 1999 — Мурашева В. В. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. М.: ГИМ, 1999 (Тр. ГИМ; Вып. 111). С. 25–34.
- Недошивина, Фехнер, 1985 — Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимерёвского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101–115.
- Потин, 1971 — Потин В. М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Тр. отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора, 1971. Т. 12, вып. 4. С. 49–119.
- Пушкина, 1999 — Пушкина Т. А. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 405–417.
- Пушкина, Стукалова, 2011 — Пушкина Т. А., Стукалова Т. Ю. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнёздова // От палеолита до средневековья: Сб. науч. статей. М.: Тверская областная типография, 2011. С. 96–99.
- Равдина, 1988 — Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М.: Наука, 1988. 152 с.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

- Седых*, 2007 — *Седых В. Н.* Монетные находки в Тимерёво в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Тр. по русской истории: Сб. статей в память о 60-летию И. В. Дубова. М.: Парад, 2007. С. 233–256.
- Седых, Френкель*, 2012 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Бусы из погребальных комплексов Тимерёво: хронологический аспект // XIII Тихомировские краеведческие чтения: Материалы науч. конф. (Ярославль, 21–22 октября 2011 г.). Ярославль: Канцлер, 2012. С. 296–322.
- Седых, Френкель*, 2014 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* О времени и обряде основного погребения кургана 95 Тимерёвского могильника // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конференция: Сб. статей / Отв. ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2014. С. 165–198.
- Станкевич*, 1941 — *Станкевич Я. В.* К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X ст. // Этногенез восточных славян. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (МИА; № 6). С. 56–88.
- Фасмер*, 1927 — *Фасмер Р. Р.* Два клада куфических монет / ГАИМК. Нумизматическая комиссия. Л.: ГАИМК, 1927 (Тр. нумизматической комиссии ГАИМК; Т. VI). 58 с.
- Фомин*, 1982 — *Фомин А. В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 16–21.
- Хвоцинская*, 2004 — *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовы). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 290 с.
- Янин*, 2009 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 414 с.

Chronology of burials with coins at Yaroslavl cemeteries. Once again about the dating possibilities of numismatic materials

K. V. Gorlov, V. N. Sedykh

Numismatic evidence is traditionally employed by archaeologists as a most important chronological indication for more exact dating of cultural levels. But the chronological span from the moment of minting to the time of the falling out of the coins from circulation (lag coefficient) is determined differently and sometimes with the use of methods contradicting to each other.

On the basis of materials from graves with coins at the Timerevo, Mikhaylovskoye and Petrovskoye cemeteries in the Yaroslavl Volga district, an attempt is proposed to compare dates of the burials obtained on the basis of grave goods with those of the minting of the coins found in their composition.

The conducted investigation resulted in the conclusion that no regularities in the time lag of the coins can be established. In some cases the dates of coinage of dirhams were considerably spanned before the time of the interment: for 150 years or more. In other cases, on the basis of reliable dating of the grave goods in the complexes, the dirhams indicated the earlier date of the burials, so that they allowed to propose a significantly exacter chronology.

This fact suggests the necessity of caution when using numismatic materials for dating burials and demonstrates the present impossibility of applying any universal formula in order to calculate the lag coefficient for coins.